

УДК 398

К. Ю. Бадьина

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ МОТИВ ПРЕВРАЩЕНИЙ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В АНГЛО- ШОТЛАНДСКИХ И РУССКИХ НАРОДНЫХ БАЛЛАДАХ

Аннотация. Баллада, как и другие жанры мирового фольклора, использует своеобразный набор мотивов, часть из которых имеет древнейшие корни. В центре внимания данной статьи – особенности реализации мифологического мотива превращений в англо-шотландских и русских народных балладах.

Ключевые слова: миф, фольклор, русская народная баллада, англо-шотландская народная баллада, превращения.

Abstract. Like many genres of folklore, ballad operates a definite set of motifs, a certain part of which is of archaic genesis. In this connection the author analyzes a mythological motif of transformation and peculiar ways of its expression in the Russian, English and Scottish popular ballads.

Key words: myth, folklore, Russian popular ballads, English and Scottish popular ballads, transformations.

Исследование механизма трансформации мифологических сюжетов в фольклоре и литературе остается одной из актуальных филологических проблем. В ее историографии имена крупнейших филологов прошлого и настоящего: А. Н. Веселовского, А. А. Потебни, В. М. Жирмунского, В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, С. А. Аверинцева, В. Н. Топорова и др. Особенный интерес среди фольклористов-филологов вызывают исследования, в которых прослеживается история формирования отдельного жанра/сюжета/мотива (с древнейших времен до настоящего времени). Ряд оригинальных работ, в том числе и монографического плана, посвящен в отечественной фольклористике выявлению генетических истоков таких фольклорных жанров, как сказка, эпос, необрядовая лирика и некоторых других [1–3]. Жанр баллады, в целом представленный в фольклористике небольшим количеством исследований, тем более нуждается в такого рода осмыслении.

В центре внимания данной статьи – мифологический мотив превращений в англо-шотландских и русских народных балладах.

Вообще народная баллада представляет собой некий конгломерат мифологических, обрядовых, религиозных и других элементов. Несмотря на то, что архаичность балладных произведений отмечается многими исследователями жанра (В. И. Чернышевым и Н. П. Андреевым [4], Д. М. Балашовым [5–8], С. Н. Азбелевым [9], А. В. Кулагиной и Б. П. Кирданом [10] и др.), интересующий нас вопрос не нашел достаточно широкого освещения. Некоторые его аспекты на материале русских народных баллад представлены в исследованиях О. Ф. Тумилевич [11, 12], Т. А. Новичковой [13], А. Ю. Нешиной [14]; на материале английских – В. М. Жирмунского [15] и Н. Г. Елиной [16].

Мотив превращений, заимствованный из мифологического фонда, претерпевает в балладах значительную ассимиляцию и становится неотъемлемой частью сферы проявления чудесного.

В современных словарях под превращением обычно понимается «метаморфоза, при которой человек или другое существо обращается в животное, растение, предмет и, наоборот, например, предмет – в живое существо, т.е. изменяет свой облик и ипостась» [17, с. 243]. Предложенное определение обосновывает возможность рассмотрения следующих трансформаций: человек – растение; человек – животное; человек – предмет.

На одном из первых мест по частотности распространения в мировой культуре находится мотив превращения человека в растение. Растительные метаморфозы появились уже в этиологических мифах: рождение Адониса из дерева, Одина из Иггдрасила, первопредка из Аска [18, с. 346] и др.; происхождение растений из крови или частей тела мифологических персонажей (Нарцисса, Аттиса [19]) и др. Во многих развитых мифологиях растения составляли основу мироздания (мирового дерева, древа познания, древа жизни, шаманского древа) [20, с. 669].

Такого рода метаморфозы довольно широко представлены в славянском (русском) и британском (англо-шотландском) фольклоре. Так, например, в русской народной балладе данный код становится определяющим в сюжетах «Рябинка», «Дочь тысячника», «Сокол и вороны», «Лебедушка и сокол», «Чудесное спасение», «Василий и Софья», «Иван Дудорович и Софья Волховична», «На литовском рубеже» и др.; в англо-шотландской – «King Henry», «Kemp Owyne», «Tam Lin», «The Two Magicians», «The Twa Sisters», «The Lass of Roch Royal», «Lord Thomas and Fair Annet», «The Douglas Tragedy», «Fair Janet», «The Gay Goshawk» и др.

Яркий пример растительного кода в русских балладах – сюжет «Рябинка», кстати, он не имеет аналогов в англо-шотландской традиции. Свекровь проклинает сноху и превращает ее в дерево:

*Ты стань, сноха, там рябиною,
Там рябиною, да кудрявою,
Отростками – малы детушки!* [8, с. 80]

Важным моментом реализации данного мотива является то, что он составляет основу баллады и получает сюжетное развитие: превращенное дерево всецело сохраняет способности человека (девушки):

*Он раз секнул – она вздрогнула,
Он другой тюкнул – кровь ли брызнула,
Он третий тюкнул – слово молвила* [8, с. 80].

Одновременно подобный изоморфизм задает эмоционально-напряженный тон повествованию и становится способом выражения балладного психологизма.

Необходимо также отметить, что таинством превращений в данном произведении наделены демонические силы, что, в свою очередь, способствует и созданию колдовского образа свекрови-губительницы.

Сюжет «Рябинка» и близкие к нему славянские параллели в аспекте картографирования заинтересовали Н. И. Толстого. Он, в частности, отметил,

что данная баллада по преимуществу встречается у восточных славян и использует образ наиболее популярного в той или иной региональной традиции дерева: невестка становится в поле тополем (тополей, тополиною) или другим деревом – чернобыльником (былиною), рябиною, калиною [21, с. 437].

Если в сюжете «Рябинка» растительная метаморфоза – результат проклятья, то в сюжете «Дочь тысячника» превращение девушки в дерево мыслится его создателями как своеобразный оберег, защита от насильственного замужества:

*Да как у девушки стало лицо
Как дубовая кора [8, с. 150].*

Иной характер превращений представлен мотивом вырастающих на могиле влюбленных прекрасных растений. Данный мотив является типичным местом любовных баллад и широко известен по всему миру. Исследователи, в частности А. Н. Веселовский [22], В. М. Жирмунский [23], В. Я. Пропп [1], связывают данный факт с первобытным анимизмом и верой человека в одушевленность явлений природы.

Мотив вырастающих на могиле влюбленных растений встречается и в славянском, и англо-шотландском фольклоре:

*На Васильевой могилке выростала золота верба,
На Софиной могилке – кипарисно деревцо.
Корешок с корешком сорастилися,
Прут с прутком совивается,
Листок со листком солипается.
Старый идет – Богу молится да наплачется,
Пожилкой-то идет, подивуется,
Малый идет – натешится, наиграется [6, с. 50–51].*

*The one was buried in Mary's isle,
The other in Mary's quire;
Out of the one there grew a thorn,
And out of the other a brier.
And aye they grew, and aye they blew,
Till their twa taps did meet;
And every one that passed thereby
Might see they were lovers sweet [24].*

Приведенные примеры показывают, что мотивы имеют подобную форму выражения и близки по оформлению.

Растения, о которых повествуется в балладах, как правило, являются культовыми. Так, общим для обеих традиций становится мотив превращения в березу («Иван Дудорович и Софья Волховична» [8, с. 77–79]; варианты сюжетов «The Lass of Roch Royal» [24], «Fair Janet» [25], «Lord Thomas and Annet» [26]), которая и у древних кельтов, и у славян была связана с календарным циклом (переходом от весны к лету).

В свою очередь, роза – традиционный символ любви (шиповник или терновник) – по преимуществу представлен в англо-шотландской традиции (варианты сюжетов «The Lass of Roch Royal» [24], «Fair Janet» [25], «Lord Thomas and Annet» [26], «The Douglas Tragedy» [27]), но не встречается в рус-

ской. В балладах данные растения приносят коннотацию мученичества, указывают на душевные страдания любящих.

Кипарис, встречающийся лишь в русском сюжете «Василий и Софья», амбивалентен, поскольку его символика отождествлялась со смертью и воскресением. Влияние христианства обнаружится в факте превращения Софьи в «золоту вербу» [10, с. 179–181]. Цвет растения также может указывать на его принадлежность к сакральному, иному миру.

Сюжеты, включающие растительную метаморфозу, в ряде отношений схожи: общая конфликтная ситуация («влюбленные vs губитель»); завязка (брак без согласия родных / тайная любовная связь), аналогичное событийное развитие.

В русских балладах («Василий и Софья», «Иван Дудорович и Софья Волховична») главными антагонистами влюбленных становятся родственники (мать/братья). Так, мать Софьи решает отравить возлюбленного дочери, однако молодые выпивают зелье вдвоем; братья узнают о тайном браке сестры, отрубают мужу голову, Софья просит убить и ее.

В британской традиции подобного рода баллады включают большее количество мотивировок превращения и на этом основании, на наш взгляд, более трагичны. Отец насильно выдает дочь замуж за французского лорда, несмотря на то, что она ждет ребенка от своего возлюбленного Вилли («Fair Janet»); мать лорда Грегори не пускает в замок возлюбленную сына с ребенком на руках («The Lass of Roch Royal»); парень предает девушку, женившись на богатой невесте («Lord Thomas and Fair Annet»); отец и братья девушки убивают ее любовника («The Douglas Tragedy»).

Необходимо отметить, что мотив растений на могиле влюбленных выполняет ряд важнейших функций. Во-первых, он становится способом осуждения поступка губителей. Во-вторых, означает нравственную победу влюбленных. В-третьих, знаменует бессмертную любовь и преданность, которым даже смерть не становится преградой. В-четвертых, воплощает основные составляющие христианского мировоззрения: это открывающийся невинно гоным путь к спасению души и обретению ею бессмертия.

Посредством данного мотива выражаются и важнейшие балладные антиномии: «добро – зло», «жизнь – смерть», «победа – поражение».

В русских народных балладах мотив метаморфозы людей в животных не выявлен. Однако имеется так называемое «обратное превращение». Оно происходит в тексте «Сокол и вороны»:

*Как пройдет моя беда со кручиною,
Отрощу я свои крылья быстрые,
Оживлю я свои ноги скорые* [8, с. 229].

В некоторых сюжетах, как в русских, так и англо-шотландских, ярко представлен антропоморфизм животных: боевой конь, рассказывающий о предчувствии беды («На литовском рубеже») [6, с. 210–213]; лебедь, оплакивающая убитого мужа («Лебедушка и сокол») [8, с. 223–224]; волки/орел, раскрывающие убийство княгини («Князь Роман жену терял») [6, с. 66–74]; чудесная птица, рассказывающая девушке о любви своего хозяина («The Gay Goshawk») [28].

В ряде случаев животные упоминаются в поэтическом контексте: в сравнительных оборотах, иносказаниях, параллелизмах. Так, пример психо-

логического параллелизма представлен в зачине баллады «Полонянка» [8, с. 20]. Образ девушки-губительницы, готовящей зелье для парня, передается через ее сравнение с «*лютой змеей*» («Злые корни») [8, с. 85]. Устинья, гибнущая от руки некоего вора Яньки, иносказательно названа в тексте «*голубкой*» («Устинья») [8, с. 286].

Зоологический код часто используется и для придания дополнительной коннотации при описании внешности или характера героя. Например, завоевателей называют «*собаками*» («Брат спасает сестру») [8, с. 38–39]; Марья Юрьевна представляется «*лебедью белою*» («Князь Роман и Марья Юрьевна») [8, с. 44]; отношение к религиозным сановникам в антиклерикальной балладе передано через сравнение старцев с «*галицами*» («Чурилья-игуменя и Стафида Давыдьевна») [8, с. 54]; сын, узнав о злодеянии матери, называет ее «*мышью подкольной*» («Рябинка») [8, с. 80] и т.д.

Яркими и весьма неожиданными формами превращений человека в животное изобилует прежде всего англо-шотландская традиция. Так, герой встречает ужасное существо высотой с дерево, острыми зубами и носом, напоминающим булаву («King Henry»). После ряда испытаний, которое чудовище предлагает герою, мифическое существо превращается в прекрасную девушку.

Баллада «Kemp Owyne» [29] несколько напоминает рассмотренную выше балладу «King Henry» и русский сюжет «Рябинка»: злая мачеха бросает девушку в море и произносит проклятье, согласно которому девушке суждено находиться в море до тех пор, пока Кемп Овайн не спасет ее. Но, в отличие от русской баллады, в которой девушка навсегда останется деревом, повествование в британской традиции приобретает неканоническое для балладного жанра развитие – спасение от колдовства. Можно предположить что сюжеты со счастливой концовкой представляются переходными между балладой и сказкой, но сохраняют при этом основные черты поэтики балладного жанра.

Любопытна и реализация мотива последовательных превращений заколдованного человека-эльфа в сюжете «Tam Lin» [30]. Он во многом напоминает превращения мифологического Протея во льва, змею, пантеру, вепря [19]. Эльф превращается в гадюку («*adder*»), змею («*snake*»), жабу («*toad*»), угря («*eel*»), серую гончую («*greyhound*»), храброго льва («*bold lion*»), орла («*eagle*»), осла («*ass*»), волка («*wolf*»), дикого оленя («*wild deer*»). При этом обязательным моментом в развитии сюжета становится испытание героини огнем, которое может рассматриваться как важная составная часть обряда инициации (горящий уголь («*burning gleed*» / «*coal*»), горячее красное железо, огненное пламя («*flash of fire*»). Как спартанцы крепко держали Протея, так и любящая эльфа героиня держит в руках меняющего свои облики героя; Протей потерпел поражение – заколдованный эльф спасен. Кроме того, в балладном сюжете оборотничество происходит не самостоятельно, а под воздействием сверхъестественных сил.

Пример того, как демонологические существа принимают различный облик, представлен и в тексте «Clerk Colvill» [31]. В нем русалка превращается в рыбу и исчезает.

Превращение двух магов – основа сюжета «The Two Magicians» [32]. Девушка спасается от парня, желающего завладеть ею, и, превратившись в горлицу, улетает; кузнец оборачивается голубем и следует за ней. Последу-

ющими превращениями становятся: утка – селезень; заяц – гончая; кобылица – седло. Состязание заканчивается тем, что кузнец овладевает обессиленной девушкой.

Что касается превращений человека в элементы предметного мира, то оно представлено, например, в русской балладе «Чудесное спасение» [8, с. 30–31] (девушка превращается в церковь), а также в шотландской балладе «The Twa Sisters» [33] (девушка превращается в арфу). Во втором случае данный факт предопределяет неожиданную коллизию: девушка мстит сестре-губительнице даже после физической смерти. Бард/менестрель/арфист находит тело утонувшей сестры и магическим образом изготавливает из его отдельных частей скрипку/арфу. Три золотых локона красавицы не случайно представляют завершающий штрих перевоплощения. В этой связи уместным будет упомянуть наблюдение В. Я. Проппа о том, что «волосы считались местонахождением души или магической силы» [1, с. 137].

В целом анализ мотива превращения в русской и англо-шотландской балладных традициях позволяет сделать следующие выводы.

В анализируемых традициях по преимуществу выявлены мотивы превращения человека в растения. При этом важным становится то, что человек и растение не являют собой сепаративные ипостаси, напротив, происходит их взаимное отождествление, наглядно проявляющееся в наделении растений качествами и свойствами человека. Этим объясняется и изоморфизм: ветки растений соединяются в узел, символизируя посмертное соединение влюбленных в сюжетах «The Lass of Roch Royal», «Lord Thomas and Fair Annet», «The Douglas Tragedy»; на теле дерева появляется кровь; дерево умеет разговаривать в сюжете «Рябинка».

Баллада называет три основных причины перевоплощения: путь к спасению от рук губителя / нежелательного брака; проклятье губителя (в русских и англо-шотландских сюжетах); наказание героев за предательство любимого человека (только в англо-шотландской традиции).

Растительные метаморфозы могут быть как фрагментарными, так и составлять основу сюжета. В первом случае мотив расположен в финале и становится средством создания трагического эффекта; во втором случае он получает сюжетное развитие и усиливает психологизм. В английской традиции баллады с сюжетообразующим растительным мотивом отсутствуют.

Мотив превращения в животное, неизвестный в русском балладном творчестве, ярко представлен в англо-шотландских произведениях: оборотничество, колдовство, свадебные состязания, испытание героя.

«Обратные» превращения выявлены как в русской, так и в англо-шотландской традициях. Анализ балладного корпуса показал, что антропоморфизм может и составлять основу некоторых сюжетов («Сокол и вороны», «King Henry» и др.), и быть лишь второстепенным мотивом («Князь Роман жену терял», «The Gay Goshawk»).

Предметные метаморфозы представлены у обоих этносов, при этом их функции несколько отличаются: спасение во время преследования (русская баллада); обличение зла и месть (англо-шотландская баллада).

Мотив превращения уходит своими корнями в мифологию и впоследствии находит широкое распространение среди различных жанров фольклора и литературы. В мифологии метаморфозы связаны с трактовкой происхождения мира, рождения богов и героев, в целом выполняют важные функции

поддержания существующего прецедента (сотворения во благо человечества). В балладном универсуме превращения – часть некой борьбы светлых и темных сил. Так, основной функцией мотива становится воплощение трагического. Кроме того, он играет значительную роль в реализации балладных универсалий: «добро – зло», «жизнь – смерть»; «rag rag» (за равное воздастся равным); обличение зла и морализация; психологизм.

Список литературы

1. **Пропп, В. Я.** Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа) / В. Я. Пропп ; коммент. Е. М. Мелетинского, А. В. Рафаевой ; сост., науч. ред., текст. коммент. И. В. Пешкова. – М. : Лабиринт, 1998. – 512 с.
2. **Мелетинский, Е. М.** Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М. : Наука, 1976. – 407 с.
3. **Мелетинский, Е. М.** Происхождение героического эпоса / Е. М. Мелетинский. – М. : Восточная литература, 2004. – 464 с.
4. Русская баллада / предисл., ред. В. И. Чернышева ; вс. ст. Н. П. Андреева. – Л. : Советский читатель, 1936. – 502 с.
5. **Балашов, Д. М.** Древняя эпическая баллада : дис. ... канд. филол. наук / Балашов Д. М. – Л., 1962. – 409 с.
6. Народные баллады / вст. ст., подготовка текста и примеч. Д. М. Балашова ; общ. ред. А. М. Астаховой. – М. ; Л. : Советский писатель, 1963. – 448 с.
7. **Балашов, Д. М.** История развития жанра русской баллады / Д. М. Балашов. – Петрозаводск : Карельское книжное изд-во, 1966. – 72 с.
8. Русская народная баллада / вст. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова. – М. : Современник, 1983. – 312 с.
9. Исторические песни. Баллады. Сокровища русского фольклора / сост., подгот. текстов, вст. ст., коммент. С. Н. Азбелева. – М. : Современник, 1991. – 765 с.
10. Баллады / сост., подгот. текста и коммент. Б. П. Кирдана ; вст. ст. А. В. Кулагинной. – М. : Русская книга, 2001. – 464 с.
11. **Тумилевич, О. Ф.** Народная баллада и сказка / О. Ф. Тумилевич. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1972. – 48 с.
12. **Тумилевич, О. Ф.** Художественная структура русской народной баллады в ее отличии от смежных жанров : дис. ... канд. филол. наук / Тумилевич О. Ф. – Саратов, 1973. – 160 с.
13. **Новичкова, Т. А.** Фольклорные мифологемы в контексте русской балладной традиции / Т. А. Новичкова // Русский фольклор. – СПб. : Наука, 2004. – Т. 32. – С. 172–180.
14. **Нешина, А. Ю.** Восточнославянские баллады об инцесте / А. Ю. Нешина // Русский фольклор. Материалы и исследования. – СПб. : Наука, 2004. – Т. 32. – С. 181–192.
15. **Жирмунский, В. М.** Английская народная баллада / В. М. Жирмунский // Северные записки. – 1916. – № 10.
16. **Елина, Н. Г.** Развитие англо-шотландской баллады / Н. Г. Елина // Английские и шотландские баллады в переводах С. Маршака / отв. ред. В. М. Жирмунский. – М. : Наука, 1973. – С. 104–131.
17. **Виноградова, Л. В.** Превращение / Л. В. Виноградова // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. Т. 4 : П (Переправа через воду) – С (Сито) / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2009. – С. 243–246.
18. **Гербер, Х.** Мифы Средней Европы / Х. Гербер ; пер. с англ. Г. Г. Петровой. – М. : Центрполиграф, 2006. – 346 с.

19. **Грейвс, Р.** Мифы Древней Греции : пер. с англ. / Р. Грейвс ; под ред. и с послесл. А. А. Тахо-Годи. – М. : Прогресс, 1992. – 624 с.
20. Мифология : энциклопедия / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Большая Российская Энциклопедия, 2003. – 736 с.
21. **Толстой, Н. И.** Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – Изд. 2-е, испр. – М. : Индрик, 1995. – 512 с.
22. **Веселовский, А. Н.** Историческая поэтика / А. Н. Веселовский ; вст. ст. И. К. Горского ; сост., коммент. В. В. Мочаловой. – М. : Высшая школа. – 406 с.
23. **Жирмунский, В. М.** Сравнительное литературоведение. Восток и запад / В. М. Жирмунский. – Л. : Наука, 1979. – 494 с.
24. The Lass of Roch Royal, № 76 // The English and Scottish Popular Ballads URL: <http://www.sacred-texts.com/neu/eng/child/ch076.htm> (дата обращения 14.08.2011).
25. Fair Janet, № 64 // The English and Scottish Popular Ballads / ed. by F. J. Child. – URL: <http://www.sacred-texts.com/neu/eng/child/ch064.htm> (дата обращения 14.08.2011).
26. Lord Thomas and Annet, № 73 // The English and Scottish Popular Ballads / ed. by F. J. Child. – URL: <http://www.sacred-texts.com/neu/eng/child/ch073.htm> (дата обращения 14.08.2011).
27. The Douglas Tragedy // The English and Scottish Popular Ballads / ed. by F. J. Child. – URL: <http://www.sacred-texts.com/neu/eng/boeb/boeb12.htm> (дата обращения 14.08.2011).
28. The Gay Goshawk, № 96 // The English and Scottish Popular Ballads / ed. by F. J. Child. – URL: <http://www.sacred-texts.com/neu/eng/child/ch096.htm> (дата обращения 14.08.2011).
29. Kemp Owyne, № 34 // The English and Scottish Popular Ballads / ed. by F. J. Child. – URL: <http://www.sacred-texts.com/neu/eng/child/ch034.htm> (дата обращения 14.08.2011).
30. Tam Lin, № 39 // The English and Scottish Popular Ballads / ed. by F. J. Child. – URL: <http://www.sacred-texts.com/neu/eng/child/ch039.htm> (дата обращения 14.08.2011).
31. Clerk Colvill, № 42 // The English and Scottish Popular Ballads / ed. by F. J. Child. – URL: <http://www.sacred-texts.com/neu/eng/child/ch042.htm> (дата обращения 14.08.2011).
32. The Twa Magicians, № 44 // The English and Scottish Popular Ballads / ed. by F. J. Child. – URL: <http://www.sacred-texts.com/neu/eng/child/ch044.htm> (дата обращения 14.08.2011).
33. The Twa Sisters, № 10 // The English and Scottish Popular Ballads / ed. by F. J. Child. – URL: <http://www.sacred-texts.com/neu/eng/child/ch010.htm> (дата обращения 14.08.2011).

Бадьина Ксения Юрьевна

аспирант, Марийский государственный
университет (г. Йошкар-Ола)

E-mail: vuk_2004@mail.ru

Badyina Kseniya Yuryevna

Postgraduate student,
Mari State University (Yoshkar Ola)

УДК 398

Бадьина, К. Ю.

Мифологический мотив превращений и особенности его реализации в англо-шотландских и русских народных балладах / К. Ю. Бадьина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 74–81.